

УДК 821.161.1

Чжан Шумин

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ В. П. АСТАФЬЕВА «ПАСТУХ И ПАСТУШКА»

ЧЖАН ШУМИН. БІБЛІЙНІ МОТИВИ В ПОВІСТІ В. П. АСТАФ'ЄВА «ПАСТУХ І ПАСТУШКА».

Стаття присвячена визначенню й дослідженню біблійних мотивів в повісті В. П. Астаф'єва «Пастух і пастушка». У роботі розглянуто головні ідейно-тематичні конфлікти повісті: жорстокість війни й самовідданість кохання, християнські цінності й бездуховність. Схарактеризовано композиційну своєрідність твору. Проаналізовано образи головних персонажів повісті – Люсі й Бориса Костяєва. Виявлено біблійну алюзивну основу: Марія Магдалина як прототип головної героїні. Розглянуто шлях духовного зростання Люсі.

Ключові слова: біблійний мотив, Марія Магдалина, війна, кохання.

ЧЖАН ШУМИН. БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ В. П. АСТАФЬЕВА «ПАСТУХ И ПАСТУШКА».

Статья посвящена выявлению и изучению библейских мотивов в повести В. П. Астафьева «Пастух и пастушка». Указаны основные идейно-тематические конфликты повести: война и любовь, христианские заповеди и безнравственность. Охарактеризовано композиционное своеобразие произведения. Проанализированы образы главных героев повести – Люси и Бориса Костяева. Выявлена библейская аллюзивная основа: образ Марии Магдалины как прототип героини повести Люси. Рассмотрен путь духовного роста героини.

Ключевые слова: библейский мотив, Мария Магдалина, война, любовь.

ZHANG SHUMING. ON THE BIBLICAL MOTIF OF ASTAFIEV'S NOVELLA A SHEPHERD AND A SHEPHERDESS.

In recent years, the study of religious thought in the Soviet literature has become a new trend in China. And the study of Astafiev's war novels is a typical example. A Shepherd and a Shepherdess, which he wrote in the 1970s, had been criticized by the literary critics in Soviet Union at that time. Some literary critics criticized it is "too daily", "pacifistic" and "non-heroized" in magazine articles. These criticisms are partial, while the novel shows a profound salvation thought of the Orthodox Eastern Church actually. Based on the famous Canadian literary critic Northrop Frye's archetypal criticism theory, the article is aimed at exploring and studying the biblical motif of Astafiev's novella A Shepherd and a Shepherdess. The content of the article mainly includes the following aspects. First, it points out the main theme conflicts: war and love, Christian commandments and impurity. Second, it sums up the uniqueness of its structure. Third, it analyzes the images of its main characters: Lusie and Boris Kostyaev. Fourth, it reveals the basis for the biblical allusion of Mary Magdalene – Lusie and explores the spiritual growth of the heroine.

Key words: Biblical motif; Mary Magdalene; war; love

В современном обществе наметилась тенденция к возвращению библейских истин и законов, способствующих духовному росту человека. В этой связи стали актуальны литературоведческие исследования, рассматривающие произведения художественной литературы с точки зрения наличия в них библейской аллюзивной основы.

Цель данной статьи – характеристика библейских мотивов в повести В. П. Астафьева «Пастух и пастушка» через сопоставление образа главной героини повести с образом Марии Магдалины.

© Чжан Шумин, 2016

<http://doi.org/10.5281/zenodo.165214>

Канадский ученый Нортроп Фрай в работе «Великий код: Библия и литература» [6] разработал классификацию сопоставления персонажей литературных произведений с библейскими героями. Данная статья базируется на идее, предложенной Нортропом Фраем. Повесть В. П. Астафьева «Пастух и пастушка» изучается в новом аспекте проблемы библейских аллюзий в художественной литературе. Научная новизна статьи заключается в выявлении христианских мотивов в произведении В. П. Астафьева, написанном в советский период.

Творчеству Виктора Петровича Астафьева – одного из известнейших русских писателей-фронтовиков, блестящего представителя литературы «окопной правды» – посвящен ряд литературоведческих трудов, среди которых монографии С. В. Переваловой «Творчество В. П. Астафьева» [7], Н. М. Лейдермана «Крик сердца. Творческий облик Виктора Астафьева» [5], статья С. А. Куняева «И свет и тьма (К 80-летию В. Астафьева)» [4] и мн. др. Основные характерные черты героев произведений В. П. Астафьева выделены и проанализированы в работе Т. А. Чекуновой «Нравственный мир героев Астафьева» [8].

Повесть В. П. Астафьева «Пастух и пастушка», имеющая подзаголовок «Современная пастораль» [1] – одно из самых популярных произведений о Великой Отечественной войне в русской литературе. Писатель отстаивал право каждого человека, имевшего фронтовой опыт, на память о «своей» войне [2]. В повести не только описываются страшные натуралистические сцены и подробности, воссоздающие ужасный лик войны, но и воспевается чистая и красивая любовь героев. Автор изображает неожиданную встречу двух людей на войне, которая переросла в трогательную любовь между девушкой Люсей и лейтенантом Борисом Костяевым. Один из конфликтов повести – противопоставление войны и любви. Ситуация войны усиливает катастрофичность встречи влюбленных.

Литературный критик Наум Лейдерман характеризует художественную систему данной повести как «сентиментальный натурализм» [5]. Сам автор так пишет об этом произведении: «В “Пастухе и пастушке” я стремился совместить символику и самый что ни на есть грубый реализм» [2, с. 222]. В 70-е годы советская критика упрекала автора за «бытовизм» и «пацифизм», за «дегероизацию» и «романтичность невоенного героя».

Композицию повести квалифицируют как кольцевую. Начало и финал произведения выдержаны в стиле народных плачей и причитаний. В повести переплетаются разные смысловые пласты: реалистический, лирический, философский, религиозный. Натуралистические подробности войны и бытовые детали тяжелого солдатского быта, философский конфликт любви и войны как воплощения вселенского разрушения и хаоса, безысходность человеческого страдания – все тесно вплетено в целостную философско-бытийную картину произведения.

Современные литературоведы также усматривают в повести «Пастух и пастушка» глубокую религиозную идею [9]. Литературный критик Нортроп Фрай в своей работе «Великий код: Библия и литература» охарактеризовал особый женский образ в литературе, прототипом которого является Мария Магдалина. Согласно Библии, сначала Мария Магдалина была грешницей, но после встречи с Иисусом Христом стала одной из последовательниц его учения, испутив искренней верой свои грехи [6, с. 185]. Считают, что этот библейский прототип и является основой образа героини повести В. П. Астафьева Люси.

Люся была обесчещена немецким офицером. Спасением для нее стала любовь к лейтенанту Борису Костяеву, которая облагораживает героиню. В. П. Астафьев показывает процесс духовного роста Люси. Природное сострадание и доброта наделили ее способностью бескорыстно помогать другим. Во время первого свидания с Люсей Борис Костяев замечает, что у нее глаза необыкновенные: *«По лицу хозяйки метался отсвет огня, и оттого глаза делались загадочно-переменчивыми, то темнее, то высветляясь, и жили как бы отдельно от лица. Но из странных, как бы перенесенных с другого, более крупного лица, глаз этих не исчезало выражение вечной печали, какую умели увидеть и остановить на картинах древние художники, и оттого женщины, ими созданные, переживали себя, своё время, пронзая душу человеческую своей якобы загадочностью»* [1, с. 32]. Это сравнение свидетельствует о загадочности женской души, притягивающей художников много столетий. Выражение вечной печали – знак страдания и одухотворенности человека, ведь глаза во многих культурах – это зеркало души. Вечная печаль в глазах Люси не исчезает, даже когда она улыбается. Умиравший Борис Костяев *«...музыки уже не слышал – перед ним лишь клубился сиреневый дым, и в запустевшей глубине его плыла, качалась, погружаясь в небытие, женщина с иконописными глазами»* [1, с. 131]. В данном

фрагменте текста глаза обозначены эпитетом *«иконописные»*, что соотносит героиню с женскими образами с икон и позволяет говорить о Марии Магдалине как ее библейском прототипе.

Бориса Костяев видит в Люсе добрую, отзывчивую девушку, способную к сопереживанию и состраданию. Она последнюю копейку отдаст, чтобы помочь ближнему, чтобы накормить солдат. Она уступает свою комнату для ночлега солдатам и целую ночь не спит, высушивая их одежду. И солдаты ее уважают: в ее обществе они не позволяют себе употреблять вульгарные слова, боясь «крепкими выражениями» оскорбить и запятнать девушку.

Отношение к Люсе является основой воплощения еще одного философского конфликта повести – конфликта между чистым и циничным отношением к женщине, который проявляется в своеобразном противоборстве Бориса и старшины Мохнакова. При первой встрече с Люсей Мохнаков собирался поступить по отношению к ней неблагоприятно. Он воспринимает ее как «военный трофей», принадлежащий ему по праву освободителя. Для Бориса же она – воплощение тайны и чистоты. Мохнаковым движет бездуховность и аморальность, Борис же руководствуется христианскими нормами. Заступничество Бориса и нравственная чистота Люси оставили Мохнакова, он начинает меняться, перестает быть черствым, переосмысливает свое отношение к дочери и семье. Ему начинает претить убийство, он становится молчаливым и замкнутым. Благодаря этому происходит осознание Мохнаковым своих грехов.

Люся несколько раз собиралась рассказать Борису свою печальную историю, но он оттаивал ее, понимая, что она – невинная жертва, сохранившая духовную чистоту и в поругании. Его мать была старозаветной веры, не случайно милосердие – отличительная черта Бориса. Он не только заботится о своих солдатах, но и проявляет сочувствие к раненым немецким военным. Ему невыносима жестокость войны.

Библейская аллюзивная основа прослеживается в следующей сцене повести: *«Так и не снявши сумку с руки, она сползла к ногам лейтенанта и древним, самым что ни на есть языческим манером припала к его обуви, испуленно целуя пыльные, разбитые в дороге сапоги...»* [1, с. 110]. Сравним: Мария Магдалина, *«которая была грешница, узнав, что Иисус возлежит в доме фарисея, принесла сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром»* [3]. Как Иисус доверился Марии Магдалине, Борис доверяется Люсе. Она становится свидетельницей его смерти, как и ветхозаветная мученица. Духовная любовь героев повести стала светом, озарившим их путь к очищению и спасению души и тела.

Русский философ Николай Бердяев писал: «Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Она вечно печалится о горе и страдании народа и всего мира... и мука ее не знает утolenия...» [10, с. 271]. И образы главных героев повести В. П. Астафьева «Пастух и пастушка» Люси и Бориса являются воплощением человеческого страдания и бескорыстной любви к ближнему. Духовная чистота героев противопоставляется ужасам войны. И чем страшнее реальность, тем важнее для человека христианские заповеди. Именно они помогают людям сохранить свою человеческую сущность.

Дальнейшие перспективы научного исследования заключаются в более глубоком изучении христианских мотивов в творчестве В. П. Астафьева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев В. П. Где-то гремит война: повести и рассказы [сост. С. Суворова] / В. П. Астафьев. – Рига: Лиесма, 1986.
2. Астафьев В. П. О повести «Пастух и пастушка» / В. П. Астафьев // Вопросы литературы. – 1974. – № 11.
3. Евангелие от Луки // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – Киев: Украинское Библейское Общество, 2001, – 292 с.
4. Куняев С. А. И свет и тьма (К 80-летию В. Астафьева) / С. А. Куняев // Наш современник. – 2004. – № 5.
5. Лейдерман Н. М. Крик Сердца. Творческий облик Виктора Астафьева / Н. М. Лейдерман // Урал. – 2001. – № 10.
6. Нортроп Фрай. Великий код: Библия и литература / [перев. Хао Дженни и др.] / Фрай Нортроп. – Пекин: Изд-во Пекинского университета, 1998.

7. Перевалова С. В. Творчество В. П. Астафьева / С. В. Перевалова. – Волгоград, 1997.
8. Чекунова Т. А. Нравственный мир героев Астафьева / Т. А. Чекунова. – М., 1983.
9. 王志耕. 堕落与救赎: 陀思妥耶夫斯基的“中介新娘”河北学刊, 2002 (4) .
10. [俄] 索洛维约夫等. 《俄罗斯思想》. 贾泽林、李树柏译. 杭州: 浙江人民出版社, 2000.

(Статья поступила в редакцию 12 мая 2016 г.)